

А. Н. ГВОЗДЕВ

ОБЛАДАЮТ ЛИ ПОЗИЦИИ РАЗЛИЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИЕЙ?

В № 2 «Вопросов языкознания» за 1957 г. помещены «Фонологические заметки» А. А. Реформатского. В этой статье дан разбор двух фонетических явлений русского языка в целях выяснения того, «что надо относить за счет свойств фонем и что — за счет „условий“ их существования в пределах того или иного фонетического положения и окружения, той или иной морфемы (корень, префикс, суффикс, флексия) и тех или иных линейно-структурных местонахождений морфем в пределах слова» (101)¹.

Первый этюд посвящен выяснению того, какими средствами осуществляется различие таких пар, как *К Ире* — *Кире*. Важно, что со ссылкой на статью Р. И. Аванесова констатируется: 1) произношение в первом случае с твердым [к] и [ы]: [к'ыр'и], а во втором — с мягким [к'] и [и]: [к'йр'и] и 2) четкое различие этих пар.

Приведа высказанное мною в статье «О фонологии „смешанных“ фонем»² положение, что такое различие свидетельствует о разном фонемном составе этих пар и о признании разными фонемами по крайней мере одного из имеющихся здесь противопоставлений: 1) [к] — [к']; 2) [ы] — [и], А. А. Реформатский, не подвергая его критическому анализу, переходит к обоснованию другого взгляда. Это и понятно, так как такое решение расходится с теорией фонем как С. К. Шаумяна, так и А. А. Реформатского, считающих вариациями одной фонемы 1) [к] и [к'] и 2) [ы] и [и]. С полной категоричностью это утверждается и в данной статье А. А. Реформатского применительно к рассматриваемому случаю: «В данном случае 1) состав фонем тот же: *К Ире* [к-йр'э] и *Кире* [к'йр'э], так как [и] и [ы] и [к] и [к'] не разные фонемы, а лишь вариации той же фонемы»³ (101). Но это положение является предметом дискуссии. Как известно, Л. В. Щерба и другие авторы считают [ы] и [к'] фонемами, хотя и отмечают их особое положение в системе фонем⁴.

Отвергнув таким образом утверждение, что различие этих пар осуществляется разным составом фонем, А. А. Реформатский выдвигает положение, что оно связано с различием позиций: «Итак, в примерах *К Ире* и *Кире* состав фонем тот же, но позиции („условия“) — разные; отсюда и разное звучание и — возможность смыслоразличения» (101—102). Такому выводу предшествует общее положение: «... не только фо-

¹ Здесь и в дальнейшем цифры в скобках указывают страницы статьи А. А. Реформатского.

² ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1, стр. 51—52.

³ Следует отметить неясность этой транскрипции: она расходится с приведенной выше фонетической транскрипцией и, по-видимому, является фонематической, но в первом случае приведено [к], а во втором [к'], так что скорее показано, что состав фонем не тот же в обоих случаях; кроме того, не объяснено, имеет ли фонетическое значение и какое именно употребленный в первом случае дефис.

⁴ Кроме ранее опубликованных работ Л. В. Щербы, см. его статью «Теория русского письма» (сб. «Академик Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку», М., 1957, стр. 172—173, 177—179).

немы, но и позиции соотнесены со смысловыми различиями» (разрядка наша. — А. Г.) (101). Этому в свою очередь предпослано такое разъяснение разницы позиций: «в случае *К Ире* фонема [к] в сильной позиции (конец слова, пусть служебного), а фонема [и] — в слабой (после твердой согласной, где [и] аккомодирует предшествующему соседу и „переходит“ в [ы], а в *Кире* — наоборот: фонема [и] в сильной позиции (после мягкой согласной), а фонема [к] — в слабой (перед [и])» (101).

Какими же все-таки средствами осуществляется различие в указанных «разных позициях»? Думается, из сказанного ясно, что его осуществляет противопоставление 1) [ы] и [и] и 2) [к] и [к'], которые находятся в разных позициях. Это полностью соответствует выставленному нами в статье «О фонологии „смешанных“ фонем» положению, процитированному А. А. Реформатским, что «смыслоразличительная функция звуков не обязательно связана с их положением в отдельных позициях» (подробнее об этом ниже).

Но, может быть, позиции располагают какими-либо дополнительными различительными средствами, помимо обычных акустических качеств входящих в них звуков? Такими средствами могли бы быть разные интонации, паузы, различия в слогоразделе, свойственные лишь данным позициям особенности произношения звуков и т. п. В таком случае «позиции» имели бы самостоятельное фонологическое значение. Основная разница в позициях в интересующих нас словах связана с тем, что в случае *К Ире* на [к] падает «конец слова, пусть служебного», а *Кире* представляет одно слово. И следует поставить вопрос, имеется ли в русском языке различие между соответствующими по звуковому составу языковыми элементами: сочетанием из предлога + следующего за ним слова и одним знаменательным словом. Сюда относятся такие соотношения: *К Оле* и *Коле*; *с утки* и *сутки*; *красе* и *к росе*; *с лова* и *слова*; *в арку* и *варку*; *о пушке* и *опушке*, а также: *о будке* и *об утке*. Омонимизм этих пар показывает, что граница между предлогом и словом не получает самостоятельного выражения фонетическими средствами. Поэтому и дефис в транскрипции [к-йр'э] не имеет какого-либо фонетического качества. Кроме того, говорить о предлогах как об отдельных словах, имеющих фонетическую самостоятельность, не представляется возможным, так как они по таким основным процессам, как вокализм, зависящий от отношения к ударению (*со сна* — *сосна*), неоглушение конечных звонких перед гласными и сонорными (*под арками* — *подарками*), ряд ассимиляций согласных (*от боя* — *отбоя*), совпадают с начальными звуками соответствующих слов. Во всех этих случаях сочетание предлога со следующим словом омонимично одному слову.

Правда, А. А. Реформатский говорит не о том, что позиции являются особым фонологическим средством, а лишь о «соотнесенности позиций со смысловым различием». Некоторые разъяснения этой не отличающейся ясностью формулировки находим в следующем заявлении: «Дело заключается в том, что есть фонетические явления как свойства (*Male, distinctive features*) самих фонем, и есть то, что накладывается на фонемы от позиций, от „условий“ существования фонем в морфемах и словах» (101). Но даже на рассматриваемом примере не дается разграничения тех и других свойств. Да и оправдано ли выделение в фонеме таких разнородных свойств?

Признание каких-то дополнительных «накладываемых на фонемы» качеств понадобилось потому, что различительные функции звуков в приведенном случае не находят объяснения в той теории фонем, которую отстаивает А. А. Реформатский. Вот его понимание фонемы: «Двумя

разными фонемами можно считать такие два звуковых различия, когда оба могут встретиться в языке в той же позиции и этим будет дифференцирован смысл» (101).

Кроме рассмотренного соотношения *К Ире* и *Кире*, в русском языке имеется ряд других фактов, когда звуковые различия встречаются не в той же позиции, но выступают различителями и должны потребовать какого-то дополнения к указанному пониманию фонем. Сюда относятся соотношения: 1) в *Италию* — *Виталию*; 2) *кров ли* — *кровли*; *дрог ли* — *дрогли*; 3) *мьял* — *мёл* — *мел* — *мол*; 4) *уада* — *уама* — *уста* — *вкусна* (-*усна*); 5) *домой* — *да мой*. Соотношение в *Италию* — *Виталию* [вытáл'и]у — в'итáл'и]у фонетически вполне совпадает с соотношением *К Ире* — *Кире*; в нем противопоставлены: 1) [в] и [в'] и 2) [ы] и [и]; естественно, оно требует и одинакового понимания, но, по всей вероятности, будет растолковано А. А. Реформатским иначе, так как [в'] перед [и] понимается им как звук сильной позиции. Но следует ли давать однородным явлениям разное толкование?

Любопытно примыкающее к этим случаям соотношение с *эти паутинки* и *сети паутинки* [сét'и] и [с'эт'и]. Здесь звук [e] не одинаков в обоих случаях, но можно ли допустить, что различение указанных пар держится на разновидностях этого звука, к тому же принадлежащих и по А. А. Реформатскому к одной фонеме, а противопоставление твердого [с], находящегося в сильной позиции, и мягкого [с'], находящегося в слабой позиции перед [e], само по себе различительной функцией не обладает и их нельзя считать разными фонемами.

В соотношениях *кров ли* — *кровли* [крóфл'и — крóвл'и], *трав ли* — *травли* [тра́фл'и — тра́вл'и], *дрог ли* — *дрогли* [дрóкл'и — дрóгл'и], *граб ли* — *грабли* [гра́пл'и — гра́бл'и] различение осуществляется противопоставлением глухого звонкому: [ф—в], [к—г], [п—б]; глухой появляется в конце слова перед частицей *ли*, а звонкий — в середине слова. Однако такое различие в позициях не является самостоятельным фонологическим средством. Энклитическая частица *ли* вполне совпадает с ударным конечным *ли*, а омонимизм совпадающих по звукам пар: *мож ли* — *можи* [мóкл'и], *сох ли* — *сохли* [сóхл'и], *туф ли* — *туфли* [тúфл'и], *куб ли* — *купли* [кúпл'и] свидетельствует об отсутствии у данной позиции особых присущих ей фонетических качеств.

Аналогично противопоставление (менее яркое) твердого и мягкого [с]: *прокис ли* — *прокисли* [прак'исл'и — прак'ис'л'и]; *мыс ли* — *мысли* [мýсл'и — мýс'л'и], а также *повис ли* — *повисли* и по *Висле* [пав'исл'и] — [пав'ис'л'и]. И здесь при одинаковом звуковом составе различие отсутствует: *гуся ли* — *гусли* [гýс'л'и].

В соотношении *мьял* — *мёл* — *мел* — *мол* следует рассмотреть расчлененно первые три слова с мягким [м'] и их отношение с *мол*. О различии первых трех слов хорошо сказано у Р. И. Аванесова: «В словах *мьял*, *мёл*, *мел* (произносится [м'ал], [м'ол], [м'ел]) употреблены разные гласные, находящиеся в совершенно одинаковых условиях: после мягкого согласного [м'] и перед твердым согласным [л], под ударением»¹. Таким образом, мягкое [м'] во всех этих словах создает «совершенно одинаковые условия», не осуществляя различения этих слов, очевидно, вследствие акустического тождества; в то же время в словах *мьял*, *мёл* [м'] находится в сильной позиции (перед гласными [а], [о]), а в слове *мел* — в слабой позиции (перед [e]), и его мягкость не должна бы функционировать по теории вариантов и по теории слабых фонем. С другой стороны, соотно-

¹ Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1956, стр. 8.

шение *мёл* — *мол* [м'ол] — [мол] показывает, что различие осуществляется противопоставлением мягкого [м'] и твердого [м], после чего едва ли можно сомневаться, что *мёл* и *мол* различаются не только гласными [о] и [е], но и согласными [м'] и [м]. Следовательно, находящееся в слабой твердости и мягкости позиции, по фактически мягкое [м'] противопоставляется твердому [м] сильной позиции. Вообще же звуки слабой позиции к звукам другой (сильной) позиции относятся не какими-то «накладываемыми позицией качествами», а теми своими акустическими качествами, которые и в сильной позиции играют различительную роль (твердость и мягкость).

В соотношении *узда* — *узла* — *уста* — *вкусна* в слове *вкусна* принимается во внимание часть *-усна́*, допускающая сопоставление с тремя первыми словами; она фонетически совпадает с сочетанием *у сна*, которое также может быть привлечено для сопоставления. Сравнение *узда* — *узла* показывает, что различие между ними ограничивается противопоставлением [д] — [л], а то, что звонкий [з] в первом случае перед [д] находится в слабой по глухости и звонкости позиции, а во втором случае в сильной позиции, не создает дополнительных различительных средств; так же *уста* и *-усна* различаются только противопоставлением [т] и [н], хотя [с] находится в разных позициях. Сравнение пар *узда* — *-усна*, *уста* — *узла* показывает, что различие здесь осуществляется противопоставлением двух звуков: [з] — [с] и [д] — [н] или [т] — [л], причем противопоставление [з] — [с] осуществляется теми же акустическими качествами (звонкость — глухость), которые служат различительными свойствами этих фонем в сильной позиции, хотя эти звуки находятся и в слабой и в сильной позиции.

Соотношение *домой* и *да мой* [дамбой — дьмой], различающееся противопоставлением [л] и [ть] (первое слово может иметь значение наречия и повелительного наклонения от *думать*, а второе — союза *да* и местоимения или повелительного наклонения от глагола *мыть*), обусловлено тем, что союз *да* имеет во всех положениях, в том числе и в первом предударном слоге, вторую степень редукции. Предлог, как известно, в отношении редукции целиком сходен с начальными слогами слова; так, различаются [данбоса] в значении *до носа* и *доноса* и [дънбоса] в значении *да носа*. И в этом случае, когда имеет место совпадение в звуках (во втором предударном слоге), различие отсутствует: [дърга́] = *дорога́* и *да рога*, [дъп'иса́л] = *дописа́л* и *да писа́л*¹.

Рассмотренные явления показывают, что имеющиеся в них «позиции»² не располагают какими-либо особыми различительными средствами и не имеют самостоятельной фонологической значимости. Что касается звуков слабых позиций, то при их противопоставленности звукам сильной позиции (а также других слабых позиций) позиционно обусловленные качества звуков имеют различительную функцию наряду с необусловленными; обычно в таких случаях оказываются противопоставленными те же качества, которые выступают различителями фонем в сильной позиции (звонкость и глухость, твердость и мягкость и т. д.).

Это связано с особенностями русской фонетической системы, которая, с одной стороны, характеризуется наличием ряда действующих фонетиче-

¹ Подробней об этих особенностях союзов см. в моем сборнике «О фонологических средствах русского языка» (М.—Л., 1949, стр. 87—88), а также во «Введении в языковедение» А. А. Реформатского (М., 1955, стр. 185).

² Следует отметить, что все эти «позиции» располагаются в пределах фонетического слова (включая проклитики и энклитики). Менее ясна роль «позиций», относящихся к разным фонетическим словам.

ских законов, ограничивающих употребление звуков в определенных условиях и обуславливающих «нейтрализацию» звуков в слабых позициях, и для которой, с другой стороны, характерно, что действующие фонетические законы связаны с различными линейно-структурными элементами языка и имеют разный объем приложения; последнее обстоятельство приводит к скрещиванию позиций и противопоставлению звуков разных позиций (примеры чего рассматривались выше). Благодаря этому «нейтрализация» теряет абсолютный характер¹.

В связи с этим в учении о фонемах необходимо сделать выбор: 1) или признать различительную функцию звуков подчиненной позициям, производной и при разграничении фонем учитывать ее только в одной позиции (как это делает А. А. Реформатский); тогда к учению о фонемах потребуются «пристройка», намеки на которую делаются в «Фонологических заметках»; 2) или признать различительную функцию звуков самостоятельной и определяющей в вопросе о фонемах и учитывать ее последовательно, без ограничений пределами одной позиции. Думается, что функциональный аспект в изучении звуков в этом случае будет проведен последовательнее и все факты русской звуковой системы получат объяснение в учении о фонемах, без особых прибавлений к нему.

¹ Подробнее о связи фонетических законов со словом и его элементами см. в статье «О пределах действия звуковых закономерностей в русском языке» (сб. «О фонологических средствах русского языка»), а также в статье «О фонологии „смешанных“ фонем» (стр. 53—55), где поставлен вопрос об отношении между различительностью и позициями.